

Истина — это крошечный остров
в океане лжи и заблуждений.

Аноним

Она едва не опоздала на поезд. А все потому, что вместе с убийцей выбирала книги.

Или с *предполагаемым* убийцей, хотя Нина не сомневалась, что в гибели как минимум десятка людей виноват именно он.

В смерти «десяти негритят».

Тех самых десяти, сумевших уйти от правосудия и заслуженного наказания преступников, каждый из которых был виновен в чьей-то гибели; тех, кого он, убийца, тщательно спланировавший и осуществивший всю эту жуткую операцию возмездия в строгом соответствии с детской считалочкой, заманил на Негритянский же остров на юге Англии, в паре миль от побережья Девона.

Тех самых «десяти негритят», жизнь и смерть которых друг за другом от руки крайне изобретательного и столь же изворотливого поборника карающего меча неотвратимого правосудия (а также шприца с ядом, топора, револьвера и трости со свинцовым набалдашником) выдумала и живописала в своем всемирно известном романе, признанном лучшим детективным произведением всех временем и народов, королева этого жанра — Агата Кристи.

Ну да, вот так банально едва не опоздала на поезд с Паддингтонского вокзала, который отправлялся в Плимут, графство Девон, в двенадцать сорок.

Убийца, старый судья Уоргрейв, которого в первом советском триллере играл неподражаемый Владимир Зельдин (Нина именно таким его себе и представляла — до того, как оказалась в самом знаменитом, шокирующем и столь безнадежном романе Агаты Кристи), в *реальной* жизни был ничуть не похож на персонажа фильма Говорухина.

Ну *просто* ничуть.

Хотя жизнь, в которой она оказалась, шагнув через литературный портал — свою деревянную темно-синюю лакирован-

ную дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва, — основывалась на событиях выдуманного произведения и авторской фантазии, была, с одной стороны, фиктивная, однако с другой — абсолютно настоящая.

Просто она разворачивалась в своей особой, параллельной, литературной вселенной, доступ к которой открывался лишь избранным и только через этот самый портал и свою собственную дверь.

Нина, одетая, как полагалось по моде середины тридцатых годов, ничуть не выделялась из толпы пассажиров, сновавших по заполненной угольным паровозным дымом платформе. Она и не имела права выделяться — не хватало еще, чтобы ее разоблачили и, чего доброго, арестовали.

Хотя она могла в любой момент вернуться в *свой* мир, открыв *собственную* дверь.

Если та, конечно же, *была готова* выпустить ее из литературной вселенной, в которой она оказалась, ведь иногда случалось, что дверь не открывалась, потому что задание, с которым Нина прибыла в эту художественную вселенную, не было выполнено до конца.

А она и прибыла — чтобы, если получится, остановить гибель пусть и замешанных в убийствах, но не заслуживающих подобной жуткой участи «десяти негритят».

И изобличить убийцу, того самого, который, посмотрев на большие часы, показывавшие половину первого, неторопливо зашел в книжный магазинчик на Паддингтонском вокзале.

Понимая, что без старого судьи Лоуренса Уоргрейва она в поезд не сядет, Нина, то и дело посматривая на наручные часики и теребя кружевные манжеты, послушно последовала за ним.

Объект *не следовало* упускать из виду.

Судья, облаченный, несмотря на достаточно жаркую погоду начала августа 1936 года, в длинное пальто и котелок, держал в одной руке, затянутой черной кожаной перчаткой, массивную трость с диковинным набалдашником (уж не ту ли, при помощи которой он расправился с одним из «негритят», старым генералом, роль которого в советском триллере исполнял Михаил Глузский, с силой опустив массивный набалдашник на затылок вояки, виновного в том, что еще во времена Первой мировой он отправил на неминуемую смерть во фронтовой мясорубке любовника своей жены?), а в другой — объемистый саквояж,

в котором наверняка покоились предметы, необходимые для ряда прочих убийств на острове, остановился около стенда с *детективной* литературой.

Уж не с романами ли Агаты Кристи — той самой, продуктом воображения которой он, в сущности, сам и являлся?

Нина, вновь беспокойно посмотрев на часы и понимая, что до отправления поезда остались считанные минуты, все размышляла, как же ей поступить — старый судья что, *передумал* ехать на Негритянский остров и решил остаться в Лондоне?

Или он просто забыл о времени — и стоит ему тактично напомнить? Только вот как? Подойти и, взяв под локоток, душевным голосом произнести: «Ваша Честь, поезд сейчас отправится вместе с «негритятами», но без вас, их убийцы. Не соблаговолите ли пройти в салон первого класса? Может, вас проводить на платформу? Разрешите помочь вам с вашим наверняка тяжеленным и полным смертельных вещиц саквояжем?»

И он, вручив ей забитый орудиями будущих убийств саквояж, позволит проводить себя на перрон к вагону первого класса.

И это при том, что она сама, как и надлежало особе ее положения, ехала в *третьем*.

Понимая, что такого *точно* не будет и что подобное она никогда не скажет, Нина вновь посмотрела на часы: до отправления поезда оставалось шесть минут, а старый судья Уоргрейв, к которому, явно распознав в нем солидного и, что важнее всего, состоятельного клиента, тотчас подлетел услужливый, с зализанными волосами, молодой продавец.

Если старый судья не торопился, даже поставив тяжелый саквояж, в котором было *невесть что*, на пол, значит, это было частью его плана. Это ведь роман Агаты Кристи начинался со сцены с ним в купе, однако Нина еще во время своего самого первого путешествия, которое завело ее в дебри до той поры не особо ею любимого романа Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы», убедилась, что литературная вселенная, пусть и порожденная фантазией автора, жила по своим собственным, ни от кого не зависящим законам, и зачастую там все было не просто иначе, а шиворот-навыворот¹.

Как и в реальной жизни. Впрочем, это и *была* реальная жизнь, и призывный гудок *их* паровоза на Плимут, самый боль-

¹ Речь об этом идет в романе Антона Леонтьева «Пепел книжных страниц», издательство «Эксмо».

шой город графства Девон, был красноречивым, вернее, *трубогласным* тому подтверждением.

Автор создавал своего рода литературный каркас, а вселенная мира его фантазии, получив путевку в жизнь, обвивала его причудливо переплетенными лианами, зачастую пускавшими *крайне* экзотические литературные цветы.

И в «Братьях Карамазовых» тогда все оказалось *далеко не так*, как у Федора Михайловича, и хоть насильственную смерть старика Карамазова она предотвратить не смогла, однако сумела вычислить его убийцу, который оказался совсем не тем, кого все поколения читателей считали таковым.

А затем, в «Анне Карениной», она *сумела-таки* спасти главную героиню от смерти под колесами поезда, а также от любовного адюльтера с Вронским, а помимо этого вывела на чистую воду целую отлично законспирированную банду великосветских убийц.

За прошедшие с тех пор несколько лет она побывала в разных местах и много чего изменила: нет, не в книгах, сюжет которых всегда остается незабываемым, подчиняясь только воле автора — что на бумаге, что в цифровом варианте в Интернете, а в отпочковавшихся от произведений параллельных литературных вселенных, не менее реальных, чем тот мир, в котором жила сама Нина.

Кто знает, может, и она сама — *тоже* героиня чьего-то романа?

Если это и было *так*, что ничего против этого Нина не имела, а доступ к порталу в литературные миры стал ее жизнью — подлинной и изменению не подлежащей.

А потом была «Лолита» Набокова, которая не только *не* умерла юной, успев пережить годы сексуального рабства у своего жуткого отчима, а затем у шайки извращенцев, но и вообще избежала участи стать чьей-то жертвой, вместо этого наслаждаясь счастливым детством обычной резвой девчушки¹.

Ну а затем последовало путешествие в другой роман Кристи, «Убийство Роджера Экройда», и все для того, чтобы установить, что и там все было *далеко не так*. И что он крайне странным образом связан с «Собакой Баскервилей» Конан Дойла.

Крайне хитроумного и насквозь порочного злодея, наследившего и *тут*, и *там* и обладавшего способностью путешест-

¹ Об этом повествует роман Антона Леонтьева «Ее настоящая жизнь», издательство «Эксмо».

воват, как и она сама, по литературным мирам, являясь при этом, однако, персонажем романа, Нина в итоге разоблачила, но *какой* ценой!

Пришлось совершить путешествие в «Десять негрятят».

Делая вид, что она сосредоточенно изучает путеводители Кука, примыкавшие к стенду с произведениями королевы детектива, Нина бочком приблизилась к старому судье Уоргрейву, который пролистывал подсовываемые ему продавцом романы в мягкой обложке.

— Сэр, разрешите предложить вашему вниманию вышедший в прошлом месяце роман миссис Ариадны Оливер «Убийство в Ассирии». Я просто всю ночь читал, не в состоянии отложить.

Ну да, не Агаты Кристи, а *Ариадны Оливер* — Нина это уже знала. Это был сатирический образ великой детективщицы, выведенной Кристи в ряде романов, и шарж на саму себя. Нина помнила: в мире романа Достоевского никто не знал самого Федора Михайловича, что неудивительно.

А в романах Агаты Кристи ее произведения, выходит, сочинила та, кого писательница и изобрела — ее «второе я»: взбалмошная Ариадна Оливер!

Никакого романа с названием «Убийство в Ассирии» Кристи, конечно же, не писала, из-под ее пера вышло хрестоматийное «Убийство в Месопотамии», и вот Ариадна Оливер создала это произведение и, судя по обилию ее романов, была здесь королевой детектива.

И в этой вселенной Ариадна Оливер ну никак *не* могла написать «Десять негрятят», зато, вероятно, создала иной роман, по своему драматизму и гениальности тому не уступающий, но в мире Нины никому не известный.

Вот только *какой*? Жаль, что узнать этого Нина еще не могла: в ее мире Агата Кристи написала свой шедевр в 1939 году, и если дата создания этого произведения здесь не изменилась, то предстояло ждать еще целых три года, потому что на дворе стоял август 36-го.

О том, что была суббота, восьмое августа, свидетельствовали свежие газеты, заголовки которых гласили у серьезных изданий: «*Олимпийские игры в Берлине продолжатся. Весь мир в потрясении от Джесси Оуэнса, выигравшего стометровку*». Или: «*Власть после переворота в Греции перешла к военным*». А также: «*Вести с поля битвы в Испании: кардинал про-*

возгласил крестовый поход против коммунизма». Ну и, конечно, у бульварной прессы: «Король, по слухам, сделал предложение миссис Симпсон».

Нина, к путешествию в тридцатые тщательно готовившаяся, знала, что все эти события и в самом деле произошли в августе 36 года.

И даже король был все тот же, дядя Елизаветы Вечной из ее мира, тот самый Эдуард, который ради брака с разведенной американкой отрекся в декабре того же года от престола, тем самым открыв к нему путь девочке-принцессе, которую Нина всю свою жизнь знала пожилой, очень пожилой и крайне пожилой дамой с седыми волосами и в нарядах пастельных тонов.

Но имелись отличия. Так, «Бизи Би», специализировавшаяся на сплетнях из мира знаменитых и богатых, ставила своих читателей в известность: «Голливудская дива Габриэлла Тёрл тайно сочеталась браком в Каннах с американским миллионером Элмером Робсоном III».

А еще: «Пилот Майкл Сетон готовится к перелету через Тихий океан». И — «Новая информация о сэре Мэтью Сетоне, его дяде и самом богатом человеке Британии и орнитологе-любителе: диагноз рака вскрытие не подтвердило. Его самоубийство морфином в конце июля после того, как он впервые за двадцать три года покинул свое поместье в Шотландии и отправился наблюдать за птицами: фатальная ошибка врача, фантазии богатого чудака или фамильное проклятие? Все подробности только у нас!»

Чувствуя дрожь в пальцах, Нина взяла это издание, приятно пахнущее свежей типографской краской. Имена дяди и племянника Сетонов о чем-то ей говорили, но она сконцентрировалась на фото голливудской звезды.

Она была рада за незнакомую, судя по черно-белому фото, более чем прелестную кинематографическую диву, которая, однако, существовала только тут — и в мире романа Кристи была, по слухам, одной из предыдущих владелиц Негритянского острова, который, выходит, купила у своего нынешнего мужа, американского миллионера; того самого острова, который в *здешней* литературной действительности приобрел неторопливо рассматривавший творения альтернативной королевы детектива (и сам являвшийся таковым) старый судья Уоргрейв, судя по всему, ничуть не торопясь на скорый в Плимут, отправлявшийся через четыре, нет, уже *три* минуты.

Тот самый судья Уоргрейв, ничуть не похожий на актера Владимира Зельдина: с неприятным вытянутым лошадиным

лицом, острыми, как лезвия, тонкими бескровными губами, ухоженной седой эспаньолкой и пронзительными, близко посаженными, темными глазами.

Глазами убийцы?

Если не убийцы в настоящем, так в будущем.

Или нет?

Вот чтобы это разузнать, Нина и прибыла сюда через свою дверь литературного портала.

— Это я уже читал, — заявил скрипучим, далеко не самым приятным голосом судья, — автор не имеет ни малейшего представления о реалиях наших протекторатов на Востоке!

А этот крайне неприятный субъект, выходит, имел?

Крайне неприятный и *явно* не торопившийся на скорый в Плимут.

Краем глаза заметив Нину и с некоторым пренебрежением оценив ее скромный костюм, сделав вывод, что клиентка далеко не самая важная птица, в отличие от этого импозантного джентльмена, продавец обратился к девушке:

— Мисс, если вы хотите читать «Бизи Би», то прошу вас купить ее!

Нина, смутившись, поняла, что он принял ее за стесненную в средствах особу, которая, околавываясь в книжной лавке и не покупая периодику, листает газеты и знакомится с актуальными событиями.

— А романы Агаты Кристи у вас есть? — спросила она на всякий случай, и продавец процедил:

— Агаты *кого*? Впервые о такой слышу! Она что, поваренные книги пишет?

Ну да, нечто вроде «Как приготовить идеальное убийство».

Так и есть, Агату Кристи в этом мире никто не знал.

— А вы не подскажете, с какой платформы отправляется скорый на Плимут? — спросила Нина намеренно громко на тот случай, если старый судья Уоргрейв все же забыл, что ему уже давно пора расположиться в салоне первого класса, перебирая в уме все детали предстоящих серийных убийств.

Обращалась она к продавцу, хотя реплика была адресована именно что судье, а торговый работник, нервно дернув шеей, заявил:

— Мисс, я вам не справочное бюро, а книжный агент!

Ну да, будь она в норковом манто и с длиннющим жемчужным ожерельем вокруг шеи, он бы выскочил из лавки и, узнав,

что требуется богатой и, вполне вероятно, знатной покупательнице, с льстивой улыбкой проинформировал бы ее.

Вполне закономерно надеясь на щедрые чаевые. А так, зная, что от этой скромно одетой девицы, к тому же явно *иностранке*, говорящей по-английски хоть и бегло, но с акцентом, не только чаевых, даже скудных, не дождешься, но и даже свежую «Бизи Би» ей не продашь, он откровенно грубил, предпочитая обихаживать явно выгодного клиента.

«Вашу Честь» судью Уоргрейва, легендарного лондонского юриста и по совместительству — в скором будущем — убийцу «десяти негрятят».

А затем подобострастно принялся подсовывать судье другие романы королевы детектива Ариадны Оливер.

— Ах, сэр, да вы, я смотрю, отлично разбираетесь в детективах! Всегда приятно иметь дело со знающим человеком. Тогда вот, прошу вас, один из последних романов миссис Оливер «Почему позвали Робертс?».

Ну да, опять роман с иным названием — в реальности, ее реальности, это должен был быть «Почему не позвали Эванс?».

Судья, повертев книгу, буркнул:

— Тоже знакомо. Сцена дознания коронером — полная нелепица, ничего более смехотворного я в своей жизни еще не читывал.

А затем, стоя сутулой спиной к Нине, произнес:

— Скорый на Плимут отправляется с шестой платформы, мисс. Причем через две минуты. И если вы не поторопитесь, то опоздаете на него.

Нина замерла. Нет, явно не забыл, но, выходит, все же *переменил планы*? Если так, то и она изменит свои, потому что она не должна упускать из виду убийцу.

Вероятного убийцу.

Ведь чтобы узнать всю правду здешней литературной вселенной, она и попала сюда через свой портал.

— Ах, сэр, да вы просто знаток, каких мало, сэр! Ну, вот, к примеру, один из не самых новых, «Загадка Хорс-хауса».

Ну да, это была ариадноливерская версия агатокристовской «Загадки Энд-хауса».

— Гм, а вот это я, в самом деле, еще не читал.

Сияя, продавец заявил:

— Сэр, вам завернуть?

Судья, наконец подняв стоявший у его ног тяжелый саквояж, заявил:

— Нет, не надо, милейший! Вот, держите, сдачи не надо. Мне пора, иначе мой поезд сейчас уйдет.

Прихватив «Загадку Хорс-хауса», судья, сопровождаемый певшим ему осанну продавцом, направился к выходу.

Нет, *не* забыл и *не* переменял планы. Судя по всему, субъект этот крайне хладнокровный, не поддающийся панике и умеющий выжидать.

Идеальный серийный убийца.

Уже на пороге лавки, снова не оборачиваясь, судья опять обратился к Нине, так и замершей около стенда с газетами:

— Мисс, поезд уходит через минуту. Или вы передумали?

Он обернулся, и Нина заметила на его губах странную ухмылку.

Положив газету на место, Нина быстро проследовала за судьей, который, как оказалось, несмотря на свой возраст, обладал быстрым шагом (а также *железными* нервами и *тяжелой* рукой), на шестую платформу.

Состав, походивший на тот, в котором ученики Хогвартса ежегодно с платформы 9¾ отправлялись навстречу новым колдовским знаниям и очередным захватывающим приключениям, уже был окутан клубами дыма.

Раздался резкий свисток проводника, и Нина заметила, как судья, вполне по-молодецки вскочив на подножку, оказался в вагоне первого класса.

Она сама, понимая, что поезд вот-вот тронется, унося к острову «негрятят», а также их убийцу, а ее саму оставив на платформе Паддингтонского вокзала, вцепилась в поручень первого попавшегося вагона, и проводник помог ей забраться в уже пришедший в движение состав.

— Мисс, в следующий раз прошу вас так не делать. Это только в приключенческих фильмах героини могут лихо садиться в уходящий с платформы поезд. В этот раз я, *так и быть*, закрою на это глаза. Вы меня поняли, мисс?

Заверив проводника, хоть и журившего нарушительницу порядка, но явно не собиравшегося ни ссаживать ее, ни штрафовать, что *она поняла и больше так не будет*, Нина протянула ему свой билет, который тот возжелал увидеть.

Ну да, поняла, это так, и уж *точно* больше не будет, потому что *вряд* ли ей придется снова сесть в скорый на Плимут, который уносил ее, все разгоняясь, в сторону побережья Девона.

— Мисс, у вас место в третьем классе, а это — второй. Разрешите, я вас провожу!

И, отконвоировав ее в общий вагон с жесткими и неудобными деревянными сиденьями, прямо как в старых советских электричках, проводник с неизменной британской вежливостью пожелал ей *доброго пути* и удалился.

Вежливость вежливостью, но всяк знай свое место: кто, как судья-убийца, в первом классе, а такие, как она, в третьем: социально-финансовых различий в Британской империи никто еще не отменял.

Ощутив внезапно накатившую на нее от переживаний последних минут усталость, Нина опустилась на свободное место. И вдруг заметила, что напротив нее восседает с абсолютно прямой спиной, словно аршин проглотив, облаченная во все черное чопорная, совсем не старая, но блеклая и малопривлекательная особа, одетая немодно и бедновато: в уродливой, в стиле старухи Шапокляк шляпке, с тусклой камеей, приколотой к тугому воротнику, и с резко посверкивающим на горбаче носу пенсне.

А в жилистой руке, сжимавшей небольшую сумочку, стоявшую у нее на острых коленях, попутчица держала бледно-синий листок, на котором было что-то напечатано: что, Нина прочесть не могла, но бумага была знакомого оттенка — у нее самой в сумочке покоилось *точно такое же* приглашение.

Приглашение на смерть на острове у побережья Девона.

Сердце у Нины забилось сильнее — ну да, это же и есть старая дева Эмили Brent, одна из «негритят»!

Та самая, которую судья убил, впрыснув ей в шею из шприца, наверняка покоившегося в бездонных глубинах его саквояжа, цианид, а затем, в полном соответствии со считалочкой, прикрепил ей к воротнику, сейчас украшенному дешевой викторианской камеей, осу.

Вина мисс Brent заключалась в том, что, узнав о беременности своей служанки, она выгнала ту из дома, после чего несчастная утопилась. Ну да, поступок, без сомнения, *абсолютно* бесчеловечный и *крайне* жестокий, но все же наивная дурочка, соблазненная каким-нибудь смазливый приказчиком (тут Нина отчего-то подумала о продавце книжной лавки с Паддингтонского вокзала), или даже совсем *не* смазливый, топилась сама, ее голову в рукомошнике своей жилистой, сильной рукой мисс Brent не держала.

Если кого и следовало карать, так этого безымянного отца убиенного малыша, но для Агаты Кристи, придерживавшейся, по всей видимости, далеко не самых феминистских взглядов,

что с учетом эпохи было *вполне понятно*, виновником всех бед была или глупышка-служанка, в минуту отчаяния принявшая сиюминутное решение и покончившая с собой, или ее бывшая хозяйка — малоприятная, явно придирчивая, без сомнений, скупая старая дева.

А вот Нина на месте судьи разузнала бы, с кем разводила шуры-муры несчастная, и пригласила бы на Негритянский остров именно его, а не эту, надо сказать, малосимпатичную особу.

— Вы тоже на Негритянский остров? — произнесла Нина, натужно улыбаясь.

Ну да, туда же, куда эта старая перечница, впрочем, судя по всему, *не такая уж и старая*, потому что не могла же она ехать куда-то еще?

В романе Кристи не могла, а в литературной вселенной — *запросто*.

Мисс Brent, поджав губы и сверкнув пенсне, подозрительно уставилась на нее.

— Не знаю, о чем вы ведете речь, мисс! Никогда не слышала ни о каком Негритянском острове!

Выходит, *не* мисс Brent? Или все-таки мисс Brent, но едущая в скором на Плимут, скажем, к старой приятельнице, например, *мисс Марпл*, а вовсе не по приглашению судьи.

Нет, именно что по приглашению, сомнений быть не могло: бумага послания у руке мисс Brent точно такая же, что и у того, которое лежало в сумочке Нины.

Значит, *врет?*

Старая дева мисс Brent, как помнила из текста Нина, практически выучившая роман за недели подготовки к визиту в эту литературную вселенную наизусть, никогда не обманывала, не грешила и, вероятно, *даже* не пользовалась услугами уборной.

Но зато выгоняла в штормовую осеннюю ночь несчастную глупую служанку, соблазненную каким-то проходимцем, ничуть не заботясь о судьбе девушки и ее ребенка.

Ничуть.

Может, и прав судья, выбрав ее в качестве «негритенка»?

Тут подал голос один из сидевших на соседней скамье попутчиков, смазливый молодой тип, правда, не из разряда приказчиков или продавцов, а, вероятно, мелкий провинциальный джентльмен с изысканными манерами и без гроша за душой — иначе он ехал бы хоть *вторым*, а не третьим классом.